

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

УДК 902.01/903.02

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.4.330.345>**КАМЕННЫЙ ВЕК НА ВОСТОКЕ РУССКОЙ РАВНИНЫ.
РЕЦЕНЗИЯ НА ТОМ «КАМЕННЫЙ ВЕК»
МНОГОТОМНОГО ИЗДАНИЯ
«АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА»¹****©2025 г. Л.Л. Косинская**

Том «Каменный век» академического издания «Археология Волго-Уральского региона» подготовлен коллективом ведущих отечественных специалистов. Он включает четыре части (палеолит, мезолит, неолит и палеоантропология), территориальные рамки охватывают лесную и лесостепную зоны Среднего Поволжья и Предуралья. В основу концепции издания положены археологический, историко-антропологический и экологический подходы. Каждая часть содержит палеогеографический очерк, материал дается по физико-географическим районам с существенным уточнением абсолютной хронологии. В первой части представлена сложная картина культурно-исторических процессов на территории региона в позднем плейстоцене. Доминирующими культурными образованиями финального палеолита выступают уральская и усть-камская культуры. Вторая часть «Мезолит» наглядно демонстрирует неравномерность в обеспеченности источниками географических районов. В лесной зоне выделены русско-луговская, усть-камская и камская мезолитические культуры. Памятники на остальных территориях отражают динамичные кросскультурные связи. В неолите (третья часть тома) ведущие процессы культурогенеза определялись волго-камской культурой с накольчатой керамикой, камской культурой гребенчатой керамики и памятниками с ямочно-гребенчатой керамикой. По поводу последних предложена гипотеза этнокультурной непрерывности. Кроме того, вводится понятие памятников, переходных от неолита к энеолиту: русско-азибейского, татарско-азибейского типов и новоильинской культуры. Итог обзору неолитических культур подводит очерк развития гончарных технологий и концепция неолитизации региона. В последней части на основе немногочисленных погребальных памятников обобщены данные палеоантропологии с позиций современного понимания процессов расогенеза и палеогенетики.

Ключевые слова: археология, палеолит, мезолит, неолит, Среднее Поволжье, Предуралье, рецензия.

**THE STONE AGE IN THE EAST OF THE EAST EUROPEAN PLAIN.
REVIEW OF THE "THE STONE AGE" VOLUME OF THE MULTI-
VOLUME EDITION "ARCHAEOLOGY OF THE VOLGA-URALS"²****L.L. Kosinskaya**

The volume "The Stone Age" within the academic series "Archaeology of the Volga-Urals" was prepared by a team of leading Russian specialists. It comprises four parts (Paleolithic, Mesolithic, Neolithic, and Paleoanthropology), covering the forest and forest-steppe zones of the Middle Volga region and the Urals. The publication's conceptual framework integrates archaeological, historical, anthropological, and ecological approaches. Each part includes a paleogeographic overview, with the material organized according to physiographic regions and incorporating significant refinements in absolute chronology. The first part presents a complex picture of cultural and historical processes in the region during the Late Pleistocene. The Ural and Ust-Kama cultures emerge as the dominant cultural formations of the Final Paleolithic. The second part, on the Mesolithic, clearly demonstrates the uneven distribution of source material across geographical areas. The Russko-Lugovskaya, Ust-Kama, and Kama Mesolithic cultures are identified within the forest zone. Sites in

¹ Работа выполнена в рамках госзадания Министерства образования и науки РФ № FEUZ-2023-0018

² The work was carried out as part of state assignment № FEUZ-2023-0018 of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation

the remaining territories reflect dynamic intercultural connections. In the Neolithic (the volume's third part), the leading processes of cultural genesis were defined by the Volga-Kama culture with stroked ceramics, the Kama culture of combed ceramics, and sites with pit-comb ware. For the latter, a hypothesis of ethnocultural continuity is proposed. Additionally, the concept of sites transitioning from the Neolithic to the Eneolithic is introduced, including the Russkiy Azibey, Tatarskiy Azibey types, and the Novoiyinskaya culture. The review of Neolithic cultures concludes with an outline of pottery technology development and the concept of the region's neolithization. In the final part, paleoanthropological data from a limited number of burial sites are synthesized, interpreted through the lens of contemporary understanding of race formation processes and paleogenetics.

Keywords: archaeology, Paleolithic, Mesolithic, Neolithic, Middle Volga, Urals, review.

Одна из закономерностей любого исследовательского процесса состоит в том, что время от времени возникает необходимость аккумулировать всю накопленную информацию и заново проанализировать сформулированные концепции, разнообразные подходы и дискуссионные проблемы. Именно такого рода коллективным трудом является семитомное академическое издание «Археология Волго-Уральского региона». Его инициировал и подготовил Институт археологии имени А.Х. Халикова АН РТ, собравший авторский коллектив ведущих отечественных специалистов. Издание осуществлено за счет средств Государственной программы РТ «Сохранение идентичности татарского народа (2020–2024 гг.)». В основу концепции издания положены археологический, историко-антропологический и экологический подходы (Каменный век, 2021, т. 1, с. 6). В каждой части материал дается по физико-географическим районам.

В настоящем обзоре рассматривается содержание первого тома «Каменный век». Он включает четыре части (палеолит, мезолит, неолит и палеоантропология), отражая хронологический отрезок от последнего оледенения до климатического оптимума голоцена. Территориальные рамки охватывают обширный регион Среднего Поволжья и Предуралья в границах современных лесной и лесостепной зон, что позволяет проследить развитие каменных индустрий и археологических культур в их взаимодействии.

Во введении (М.Ш. Галимова, А.А. Выборнов) дана краткая характеристика трех периодов каменного века и поставлен ряд дискуссионных вопросов, призванных раскрыть причины и закономерности культурной эволюции при переходе от одного периода к другому. Внутри периодов материал дается

по физико-географическим районам. Помимо анализа собственно археологических данных и рассмотрения вопросов генезиса и исторических судеб групп древнего населения значительное внимание уделено реконструкции систем жизнеобеспечения и образа жизни, культурной специфике первобытных сообществ.

Первую часть тома открывает очерк палеогеографии Волго-Камья и Предуралья (глава 1, А.Ю. Березин). Охарактеризованы основные природно-климатические периоды, начиная с молодого-шекснинского потепления среднего валдая (древнейшие следы пребывания человека в регионе) до начала голоцена. На всем протяжении этого отрезка палеолита в регионе господствовали открытые ландшафты, сочетавшие участки тундр, лесостепей и степей с соответствующей фауной. Лишь в позднеледниковье (17–12,4 тыс. л. н.) произошла деградация многолетней мерзлоты, границы лесостепи и степи сдвинулись к северу. Динамику растительности региона в плейстоцене и раннем голоцене прекрасно иллюстрирует рис. 1 (Каменный век, 2021, с. 15).

Остальные шесть глав первой части тома описывают палеолитические материалы Среднего Поволжья, Южного Предуралья, Прикамья и Северного Приуралья по физико-географическим районам, в разной степени обеспеченным источниками. В центральной части Среднего Поволжья (глава 2, Л.В. Кузнецова) по берегам Куйбышевского водохранилища и Самарской Луки выявлены местонахождения переотложенных артефактов и отдельные находки ниже- и среднепалеолитического возраста –свидетельства того, что Среднее Поволжье могло быть заселено человеком уже в раннем палеолите, а в среднем палеолите входило в область так называемого «восточного микоча» (с. 29–30). К верхнему

палеолиту относится местонахождение Ундоры с переотложенным материалом, которое, судя по находке обломка треугольного бифаса, указывает на пребывание в регионе представителей стрелецкой культуры. Единственный пункт с сохранившимися культурными слоями позднего палеолита в урочище Постников Овраг в черте г. Самары представляет временные сезонные стоянки и мастерские по первичному расщеплению кремня у его выходов. Местонахождения относятся к последней стадии оштанковского оледенения, ориентировочный возраст 16–8 тыс. л. до н. э.

Севернее, в устье Камы и Нижнем Прикамье (глава 3, М.Ш. Галимова) наряду с немногочисленными местонахождениями мустьерского и позднепалеолитического облика с переотложенным культурным слоем изучены более сохранные памятники: кремнеобрабатывающая мастерская Камское Устье II (нижний слой) и стоянка Долгая Поляна (нижний слой) с пластинчатыми индустриями позднего палеолита. По заключению автора главы, памятники представляют собой стоянки-мастерские без жилищ и даже без кострищ. Они содержат широко распространенные типы нуклеусов и орудий, что не позволяет дать им четкую культурную атрибуцию, но в целом являются основой формирования усть-камской мезолитической культуры.

В северной части Приволжской возвышенности (глава 4, Н.С. Березина) на правобережных притоках Волги выявлено несколько малоинформативных пунктов, а также стоянка Юнга-Кушерга (верхний палеолит) и стоянка-мастерская Шолма I (финальный палеолит). AMS-датировка по костям и вмещающая почва относят последнюю к концу аллерёда – началу позднего дриаса. Мастерская приурочена к выходам кремневого сырья, содержит большое количество отходов и орудий. Своеобразие техники расщепления состоит в сочетании крупных пластин и микропластин-вкладышей, снимавшихся со специализированных типов нуклеусов ударной техникой с использованием жесткого и мягкого отбойников. Особенности вкладышей, в том числе низких симметричных трапеций, находят аналогии на стоянках среднего дриаса Роголико-Передельского района на Северском Донце, как и специализация охоты на лошадей населения обоих районов. Высказано предположение о вероятности миграции охотничьих коллекти-

вов на Приволжскую возвышенность вслед за стадами лошадей и дальнейшей связи этого населения с усть-камской культурой раннего мезолита.

Глава 5 «Палеолитические памятники бассейнов Печоры и Верхней Камы» (П.Ю. Павлов, А.Ф. Мельничук) содержит развернутую концепцию развития палеолита этой территории, основанную на высокой, по сравнению с другими районами, обеспеченности источниками. Древнейшие фрагментарные следы присутствия здесь человека относятся к раннему палеолиту (стоянка Гарчи I, около 80 тыс. л. н.). Заселение бассейнов Верхней Камы и Печоры происходило в начале верхнего палеолита и на переходе к его среднему этапу. Выделено два эпизода: первичные рейды Homo Sapiens с юга Европы на север (стоянка Заозерье, 35–33 тыс. ^{14}C л. н.) и более поздняя миграция носителей стрелецкой культуры с центра Русской равнины (Гарчи I, около 29 тыс. ^{14}C л. н.). В период экстремального похолодания в первой половине позднего валдая памятники отсутствуют, что трактуется авторами как депопуляция территории. Последующий период плейстоцена и перехода к голоцену связан с формированием уральской позднепалеолитической культуры, имеющей генетические корни в западно-сибирских мелкопластинчатых индустриях каргинского и сартанского времени. В развитии культуры прослеживаются три хронологических этапа: ранний (19–15 тыс. л. н.) – стоянки Талицкого, Широфаново II и др.; средний этап (15–11,8 тыс. л. н.) – стоянки Медвежья пещера, Кумышанская; поздний этап (11,5–9,5 тыс. л. н.) – Горная Талица, грот Столбовой, Пымва-Шор I в Заполярье. Памятники, аналогичные уральской культуре, известны в соседних областях: Постников Овраг на Средней Волге, Сюкеевский Взвоз, Камское Устье II в Нижнем Прикамье, Черноозерье II и Луговское в Западной Сибири. Все они характеризуются рядом сходных признаков в технологии и типологии каменного инвентаря, включая вкладышевую технику. Связям населения столь обширных территорий способствовали, во-первых, природные особенности – отсутствие значительных естественных препятствий и наличие развитой речной сети, и, во-вторых, специфическая система жизнеобеспечения в виде неспециализированной охоты на крупных стадных

животных (лошадь, северный олень и др.), связанная с высокоомобильным бытовым укладом. В Прикамье выявлены базовые охотничьи лагеря с жилищами и кратковременные охотничьи лагеря, а в субарктической зоне Печоры – стоянки на природных кладбищах мамонтов.

В главе 6 «Палеолит южного Предуралья» (В.С. Житенёв) подчеркивается важность географического положения района на перекрёстке Европы, Урала, Западной Сибири, Прикаспия и Центральной Азии для понимания культурно-исторических процессов в палеолите. Вместе с тем район отличается от других отсутствием долговременных поселений. Большинство памятников – это кратковременные пещерные стоянки и стоянки у скоплений костей фауны. Надежных данных по раннему и среднему палеолиту нет, ранняя пора верхнего палеолита представлена несколькими местонахождениями. Памятники позднего палеолита, в том числе лагеря многократного посещения Байсланташ и Кульюрт-Тамак с обильным каменным инвентарем и фауной, в культурном плане соответствуют уральской культуре по схеме П.Ю. Павлова. Концепция уральской культуры рассматривается автором как наиболее разумная и аргументированная. Особое внимание привлекают святилища в Каповой и Игнatieвской пещерах, в каждой из которых красочные панно сочетаются с разнообразными объектами в культурном слое. Фауна и палинология Каповой пещеры соответствуют тундровым условиям, следы трапез мясом зайцев и сурков указывают на летне-осенний сезон посещений. Капова пещера по каменному инвентарю напоминает стоянки уральской культуры, но происхождение ее изобразительного ансамбля напрямую связано с Франко-Кантабрийской областью. Специфические породы каменного сырья и украшения указывают на связи с Магнитогорской областью Зауралья, с Поволжьем и Прикаспием. Время посещения пещеры укладывается в интервал 19,5–16 тыс. кал. л. н., но имеются более ранние и более поздние горизонты. Новейшие датировки торий-урановым методом по углю Игнatieвской пещеры 17,4–16,2 тыс. кал. л. н.

Глава 7 «Памятники рубежа палеолита и мезолита устья Камы и лесостепного Заволжья» (М.Ш. Галимова, Д.А. Сташенков) посвящена дискуссионному вопросу проис-

хождения и связей усть-камской культуры в финальном палеолите. Периодизация позднеледниковья дана с соответствующими калиброванными хронологическими интервалами. Охарактеризована динамика природных условий от смешанных лесов и тундростепей в периоды потепления до восстановления перигляциальных степных условий при похолоданиях. В зоне затопления Куйбышевского водохранилища в ходе многолетних работ был исследован ряд памятников, вызвавших дискуссию между А.Х. Халиковым и М.Г. Косменко. Первый полагал, что в верхнем палеолите они тяготели к восточноевропейскому кругу, а в раннем мезолите вошли в сферу сибирского влияния, к которой относились и позднеледниковские стоянки Прикамья и Приуралья. М.Г. Косменко, выделивший усть-камскую культуру позднего палеолита – раннего мезолита, отстаивал культурное единство памятников Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья, входивших в восточноевропейскую общность культур с трапециями. Работы 1980–2000-х гг. (М.Ш. Галимова, Е.П. Казаков, Н.С. Березина и др.) существенно дополнили свод источников по усть-камской культуре, уточнили и детализировали ее характеристики. Результатом стал новый виток дискуссии о ее месте среди культур конца плейстоцена по обе стороны Урала. Авторы подводят определенный итог этой темы. В главе опубликованы материалы ряда новых опорных стоянок. По геолого-геоморфологическим условиям памятники усть-камской культуры разделены на переходные от плейстоцена к голоцену и раннеголоценовые. Дана сводная характеристика технико-типологических особенностей комплексов усть-камской культуры. В конце главы изложены современные версии ее происхождения. М.Ш. Галимова отстаивает автохтонное происхождение на местной позднеледниковской основе типа Камского Устья II; с ней солидарны М.Г. Жилин, С.А. Васильев, А.Н. Бессуднов и др. А.Н. Сорокин включает усть-камскую культуру в состав аренсбургской культурной общности мигрирующих охотников на северного оленя. Ему возражает С.Н. Лисицын, считающий эту концепцию не подкрепленной палеогеографическими основаниями; он полагает, что отжимная микропластинчатая техника усть-камской культуры имеет уралосибирские корни. А.Ф. Мельничук и П.Ю.

Павлов выводят усть-камскую культуру из позднепалеолитического этапа уральской культуры типа стоянки Талицкого. Аналогии некоторым чертам усть-камской кремневой индустрии, в том числе типам трапечей и наконечников на пластинах, отмечены в памятниках рогаликско-передельского района Северского Донца, а также южноуральских пещер и Северного Казахстана (Шидерты 3). Согласно палеоэкологическому подходу к реконструкции систем культурной адаптации, в финальном палеолите Русской равнины выделяется восточная область культур с крупными трапечиями. В период межстадиального потепления бёллинг – аллерёд и в периоды похолодания (средний и поздний дриас) в Днепро-Донецком междуречье, Среднем Поволжье и Пермском Прикамье существовала единая природная зона с перигляциальными лесостепными и степными ландшафтами. С учетом фаунистических данных допустимо предполагать миграции на этой территории групп специализированных охотников на лошадей с близким набором составного вкладышевого вооружения с трапечиями. Не исключены и связи с северным Казахстаном. Вопрос об исходной территории этого населения, появившегося в Среднем Поволжье, остается открытым. Дальнейшая его судьба связана с усть-камской культурой.

Следует отметить, что авторский коллектив первой части первого тома сумел в целом согласовать взгляды на имеющиеся материалы верхнего палеолита, учитывая порою противоречивые факты и дискуссионные вопросы. В итоге читателю представлена сложная и динамичная картина культурно-исторических процессов на обширной территории восточной части Русской равнины и Предуралья в позднем плейстоцене.

Вторая часть тома «Мезолит» организована по тому же географическому принципу, что и первая часть. Ее открывает палеогеографический очерк с новейшими данными по периодизации голоцена (глава 1, М.Ш. Галимова). В классической пятичленной схеме Н.А. Хотинского уточнены хронологические рамки климатических периодов за счет калиброванных радиоуглеродных датировок. Приведена также трехчленная периодизация голоцена, предложенная коллективом зарубежных исследователей. Характеристика динамики природных условий дана по географическим

районам с опорой на пятичленную периодизацию. Тенденция климатических изменений состоит в потеплении и облесении значительной части территории и формировании современных ландшафтных зон с соответствующим составом флоры и фауны.

В главе 2 «Мезолит северной части Среднего Поволжья» (В.Н. Никитин, Н.С. Березина) памятники марийской и чувашской частей района объединены в оригинальную русско-луговскую культуру. Большинство их, особенно поселения с жилищами, образуют на левобережье скопления-кусты, которые, как полагает В.В. Никитин, могут отражать племенные группировки. По обоим берегам встречаются и недолговременные стоянки. Жилища-полуземлянки площадью от 20–50 до 100–200 кв. м и глубиной 0,2–1,1 м поражают обилием ям различного назначения, занимающих весь пол. Это вызывает вопрос об их синхронности, как и об одновременности жилищ на поселениях. Каменный инвентарь отличается разнообразием сырьевых источников, пластинчатой индустрией с микролитическим комплексом, разнообразием типологии ножей, скребков, резцов. Примечательно многообразие наконечников стрел: симметричных и асимметричных на пластинах, трапечей с прямыми и вогнутыми сторонами. Типичны шлифованные рубящие орудия. Предполагается, что культура оставлена оседлым охотничье-рыболовческим населением рубежа бореала-атлантика, имевшем взаимные контакты с соседями – носителями усть-камской, бутовской, камской, южноуральской традиций. Данные о памятниках пребореального возраста отсутствуют, вопрос о времени и путях сложения русско-луговской культуры в главе не обсуждается.

В главе 3 рассматривается район устья Камы и Нижнего Прикамья (М.Ш. Галимова). В результате многолетних исследований здесь выделены памятники позднего мезолита двух культур: усть-камской и камской. Позднемезолитический инвентарь усть-камского типа наследует традиции предшествующих этапов культуры, сложившихся в конце палеолита – начале мезолита. Изменения выражаются в появлении новых типов нуклеусов и скребков, в увеличении доли орудий на узких ровных пластинах. Сохраняются трапечии, в том числе с боковыми выемками. Инвентарь камской культуры характеризуется обили-

ем мелких и средних правильных пластинок — заготовок ретушированных вкладышей, резцов, скребков и острий, отсутствием типологически явных наконечников стрел. Немногочисленные трапеции и ретушные резцы в составе коллекций породили гипотезу о продвижении населения усть-камской культуры за пределы своего ареала, вверх по Каме. Но элементы сходства, как полагает автор главы, могут быть вызваны сходной, но не идентичной финально-палеолитической основой. Историческая судьба усть-камского населения не ясна.

Глава 4 «Мезолит лесостепного Поволжья» (К.М. Андреев, А.А. Ластовский) охватывает отрезки Самарского и Ульяновского Поволжья. Из-за бедной источниковой базы периодизация и хронология намечены лишь приблизительно. Стоянки раннего этапа мезолита существовали в полупустынных условиях пребореала. Пластинчатая индустрия базируется на стабильных источниках кремневого сырья, не содержит специфических форм. В позднем мезолите (начало атлантика) территорию занимали сосново-березовые леса с разнотравьем. В кремневой индустрии несколько снижается доля пластин, появляются отдельные новые типы орудий. На некоторых стоянках фиксируются очаги и скопления кремня — возможно, следы легких наземных жилищ типа шалашей. Фаунистический материал указывает на занятия охотой, но наличие рыболовства и степень его развития остаются под вопросом. О контактах местного населения с окружающими территориями свидетельствуют единичные находки на разных памятниках: трапеция усть-камского типа с вогнутыми сторонами, шлифованные рубящие орудия русско-луговского типа, наконечники постсвидерского облика. В нескольких комплексах заметны черты нижневолжских традиций. Облик пластинчатой индустрии указывает на устойчивые связи прежде всего с Приуральем (романовско-ильмурзинская и камская культуры). В первой половине VII тыс. до н. э. мезолитическое население сосуществовало с пришельцами — носителями раннеолитической елшанской культуры, однако свидетельств контактов между ними не зафиксировано. К середине VII тыс. до н. э. мезолитическая культура полностью исчезает, уступив место раннему неолиту. Текст главы дополняет таблица из 17 радиоуглеродных дат Самарского и Ульяновского Поволжья (с. 13–194).

Глава 5 «Мезолит Камско-Вятского междуречья» (Т.М. Гусенцова). Район исследовался преимущественно в 1960–1990-х гг., в значительной степени силами Удмуртского государственного университета. В мезолите территория была, вероятно, занята лесными и лесостепными ландшафтами с примесью широколиственных; фауна на стоянках представлена преимущественно лесными видами. Изученные памятники распадаются на стоянки со слабо насыщенным культурным слоем без жилищ и поселения с жилищами, от 1–2 до 11 на памятнике. Жилища — крупные, слабо углубленные, площадью 60–160 кв. м, и квадратные небольшие (25–40 кв. м). В них прослеживаются столбовые конструкции, очажные ямы, переносившиеся с места на место, выходы, иногда с тамбуром. На стоянках, возможно, существовали наземные жилища. Известны охотничьи лагеря на высоких террасах. В качестве примера памятников многократного заселения приводится подробно описанная Кошкинская стоянка.

По набору орудий и характеру вторичной обработки на левобережье Вятки выделяются две группы памятников; их различия могут быть вызваны как хронологическими, так и культурными особенностями. Для одной группы характерен высокий индекс пластинчатости, преобладание неретушированных пластинок и сечений-вкладышей, микропластинок, частое использование техники резцового скола. Немногочисленны трапеции с прямыми и выемчатыми краями. В другой группе несколько больше число ретушированных орудий, ниже доля техники резцового скола, более разнообразны типы скребков, появляются рубящие орудия из мягких пород камня. Некоторыми особенностями отличаются и поселения правобережья Вятки, в частности Кошкинская стоянка. Мезолитические памятники существовали в VIII–VII тыс. до н.э. Их устойчивые технологические традиции во многом схожи с Прикамьем, но более тяготеют к материалам Нижней Камы и Марийского Поволжья.

Глава 6 «Мезолит Верхнего и Среднего Прикамья» (А.Ф. Мельничук) характеризует камскую мезолитическую культуру, открытую и исследованную во второй половине XX в. О.Н. Бадером. Предложенная им концепция развития культуры и ее периодизация в целом сохраняют актуальность до настоящего време-

ни, будучи дополнены и уточнены более поздними исследованиями. По топографии, степени выраженности и составу культурного слоя выделено пять типов памятников: долговременные летние стоянки-мастерские у выходов сырья; относительно долговременные поселения с жилищами, очагами и прочими хозяйственными объектами; кратковременные сезонные летние (?) стойбища с жилищами без очагов; сезонные промысловые охотничьи лагеря с сооружениями и без них на водораздельных плато; малые кратковременные охотничьи стоянки в местах промысла. Памятники представляют три хронологические стадии. Индустрия огурдинского типа раннего мезолита характеризуется сочетанием мелко- и микропластинчатого инвентаря с архаичными орудиями из более крупных пластин, в частности высокими симметричными трапециями с выемчатыми и прямыми боковыми сторонами; встречаются кварцевые топоры-унифасы. Средний мезолит представлен памятниками нижнеадищевского типа с классическим микропластинчатым инвентарем, малой долей ретушированных пластин при господстве дорсальной ретуши, с разнообразными нуклеусами, топорами с пикетажем и пришлифовкой. Известны небольшие полуземлянки и наземные хозяйственные постройки. Памятники позднего, косинского этапа расположены на низких борových террасах и в пойме, что, по мнению автора, вызвано возросшей ролью рыболовства и охоты на водоплавающую дичь. Каменный инвентарь отличается вариативностью степени микролитизации, резко возросшей ролью ретуши, в том числе вентральной, снижением доли резцов, значительным числом коротких сечений, появлением шлифованных тесел. Единичные костяные изделия – игловидные вкладышевые наконечники – найдены в горной части территории, в частности в пещерах. Жилища на стоянках этого этапа – прямоугольные полуземлянки и слабо углубленные постройки площадью 10–40 кв. м. Мезолит Среднего Приуралья по степени микролитизации и стандартизации каменного инвентаря схож с памятниками р. Белой и Нижнего Прикамья; от Среднего Зауралья отличается отсутствием разнообразных геометрических форм. Эта картина напоминает финальный палеолит с его сходными усть-камскими, средне- и южно-приуральскими традициями. Такое культурное единство

могло быть обусловлено сходством природных условий как в финале палеолита, так и в мезолите. Предполагаемый возраст камского мезолита (при отсутствии независимых датировок) VIII–VI тыс. до н. э.; он является основой камской неолитической культуры с гребенчатой керамикой.

Глава 7 «Мезолит Северного Приуралья» (А.В. Волокитин) включает материалы бассейнов Северной Двины, Вычегды и Печоры. Подробно изложена эволюция взглядов исследователей разных поколений, начиная с Г.М. Бурова (1950–1980-е гг.), на мезолит региона. К настоящему времени сложилось представление о том, что большинство памятников относится к так называемой приуральской культурной традиции. Она включает средневычегодскую, по Г.М. Бурову, культуру, а также стоянки Выми, Вычегды и Ижмы с микролитическим инвентарем. Их индустрии имеют, вероятно, общий генезис, а широкое территориальное распространение обусловлено высокой мобильностью населения. Другая традиция – западная – связана с мезолитом Волго-Окского междуречья, в частности с бутовской культурой. Третья группа памятников на Вычегде, Ижме, Северной Двине демонстрирует индустрии смешанного облика. В их основе лежат камские традиции, модифицированные инокультурным (западным) влиянием. Возможно, сходный облик имеют некоторые стоянки на Сухоне и Ваге. Индустрии приуральской традиции характеризуются сходной техникой расщепления, высоким показателем пластинчатости (до 70–80%) и высокой степенью микролитизации. Детально описан материал стоянок, относящихся к приуральской традиции, а также памятников смешанной традиции. Особенность последних состоит в том, что на технологическую основу приуральской традиции наложены черты орудийного набора западной традиции. Стоянки располагаются на надпойменных борových террасах рек или стариц. На многих обнаружены остатки жилищ – небольших (до 17–20 кв. м) округлых или прямоугольных наземных построек, иногда с очагом. На основании комплекса признаков (топография, размеры стоянок, характер жилищ, интенсивность и особенности кремнеобработки) памятники разделены по хозяйственной специализации на пять типов: кратковременные стойбища, летние стоянки-мастерские, относитель-

но долговременные зимние и летние поселения с домашними мастерскими, а также крупные летние кратковременные стойбища. Немногочисленные фаунистические остатки принадлежат лосю, бобру, северному оленю, медведю, волку. О занятиях рыболовством свидетельствуют памятники западной традиции и находки на Висском I торфянике. К сожалению, они не вошли в состав главы. Между тем, эти материалы, объединенные в парчевскую культуру, представляют яркое явление в мезолите региона, расширяющее и дополняющее картину сложных процессов освоения и заселения крайнего северо-востока Европы в раннем голоцене и взаимоотношений групп населения – выходцев из Верхневолжья и Прикамья.

Подводя итог материалам по мезолиту, отметим явную неравномерность в обеспеченности источниками географических районов. Более полно выглядит территория лесной зоны по сравнению с лесостепной, как по количеству памятников, так и по их информативности. Возможно, это вызвано не только неравномерностью изученности отдельных районов, но и объективными факторами: с одной стороны, меньшей их заселенностью, с другой – недостаточной сохранностью культурных отложений. Правда, последнее отчетливо ощущается и на лесных памятниках, что пагубно отражается на возможности привлечения естественно-научных методов для реконструкции палеосреды и специфики хозяйственных комплексов охотничье-рыболовческого уклада мезолитического населения.

Наиболее объемная третья часть тома, посвященная неолиту, состоит из 13 глав, девять из которых включают материалы отдельных археологических культур, а остальные посвящены более общим вопросам.

В главе 1 «История изучения неолита региона» (Е.Л. Лычагина, А.А. Выборнов) выделены четыре этапа накопления и осмысления источников и очень явственно обрисован вклад исследователей разных поколений: от случайных находок краеведов конца XIX – начала XX вв. и довоенных экспедиций ГАИМК до работы новостроечных экспедиций, расширения географии полевых исследований на весь регион силами академических институтов, вузов и музеев и разработки локальных культурно-хронологических схем, дискуссий

о возникновении и взаимодействии выделенных в регионе археологических культур.

В главе 2 «Палеогеография неолита Прикамья и Среднего Поволжья» (Е.Л. Лычагина, А.А. Выборнов) отчетливо продемонстрированы зональные особенности двух этих районов в атлантическом периоде голоцена. В Верхнем Прикамье в начале неолита преобладали темнохвойные леса с примесью березняков, сосняков, а в период термического максимума голоцена – широколиственно-темнохвойные леса подтаежного типа. В этих условиях развивалась камская культура, ее памятники располагались в пойме и на первой надпойме. В лесостепном Среднем Поволжье в начале атлантического периода реконструируются степные ландшафты. Во второй его половине в условиях оптимального режима увлажненности появляются березняки и широколиственные с разнотравьем в напочвенном покрове. В лесной части Поволжья (стоянки с накольчатой и ямочно-гребенчатой керамикой) распространены лесные формации с сосной и широколиственными.

Центральными участниками процессов культурогенеза в неолите региона были три группы культур: волго-камская культура с накольчатой керамикой (глава 4, А.А. Выборнов, В.В. Никитин, Е.Л. Лычагина, Т.М. Гусенцова, В.В. Ставицкий, Н.С. Березина, К.М. Андреев, В.В. Морозов), камская культура гребенчатой керамики (глава 5, А.А. Выборнов, Е.Л. Лычагина, Т.М. Гусенцова, В.В. Никитин, В.В. Ставицкий, Н.С. Березина, В.Н. Карманов, В.В. Морозов) и памятники с ямочно-гребенчатой керамикой (глава 6, Н.С. Березина, А.А. Выборнов, В.В. Никитин, В.В. Ставицкий).

Материалы с накольчатой керамикой лесостепного Поволжья, Посурья, Примокшанья, Марийского Поволжья, бассейна Вятки и Прикамья в разное время обозначались как волго-уральская, средневолжская, дубовотарская культуры. Авторы главы в заголовке закрепляют за ними название «волго-камская» в трактовке О.Н. Бадера, но в тексте для лесостепных памятников по-прежнему используют термин «средневолжская культура». Она сформировалась в среднем неолите в первой половине VI тыс. до н. э. в результате взаимодействия елшанской традиции и пришлого нижневолжского населения с накольчатой-прочерченной керамикой. Елшанская

культура (глава 3, К.М. Андреев, Н.С. Березина, А.А. Выборнов, В.В. Ставицкий) наиболее ранняя, время ее существования приходится на период аридизации климата и остепнения лесостепной зоны. Керамика включает яйцевидные остродонные, баночные плоскодонные сосуды и круглодонные чаши с накольчато-прочерченным орнаментом в верхней трети. Каменный инвентарь пластинчатый и отщеповый, причем степень пластинчатости возрастает на поздних памятниках. Встречаются рубящие орудия с двусторонней оббивкой. Немногочисленны жилища – наземные каркасные постройки, размеры которых возрастают от ранних (20–25 кв. м) к поздним (до 35 кв. м). Комплексное присваивающее хозяйство, как полагают, могло характеризоваться сезонной сменой угодий и поэтому недолговременностью поселений. Проблема наличия производящих отраслей остается дискуссионной. Хронология елшанской культуры также спорна. Авторы считают наиболее приемлемой гипотезу о ее формировании в первой половине VII тыс. до н. э. и существовании вплоть до середины – третьей четверти VI тыс. до н. э., когда она контактировала со средневожской. Значительное сходство елшанской керамики с посудой Средней Азии подкрепляет гипотезу о юго-восточных связях раннего неолита, но кремль этих районов, наоборот, сильно различается. Взаимодействию населения двух районов могла способствовать близкая природно-климатическая обстановка.

Из беглого обзора материалов с накольчатой керамики по локальным районам (глава 4) можно сделать вывод об одинаковых тенденциях ее изменения от раннего этапа к позднему: смена пластичного сырья, постепенная замена наколов насечками и гребенчатым орнаментом. Остальные изменения касаются локальных районов: соотношение плоскодонных и остродонных сосудов, различия в формах венчиков, орнаментальных мотивах и т. д. В Прикамье предполагается взаимодействие с группами населения с гребенчатой керамикой. От себя заметим, что сходные процессы наблюдаются в Зауралье и таежной Западной Сибири: господство накольчатой орнаментации в начале неолита и постепенное ее вытеснение гребенчатой в позднем неолите, динамика соотношения плоскодонных и остродонных форм. Подчеркнем, что сход-

ство выражается именно в общих тенденциях, но временами оно выливается в конкретные аналогии поволжско-камских и зауральских материалов.

Кремневые пластинчато-отщеповые индустрии базируются на местном сырье, характеризуются близким набором орудий, обычно с неполной односторонней ретушью. В лесном Среднем Поволжье высок процент орудий на пластинах, типичны разнообразные наконечники стрел с неполной ретушью, многочисленны рубящие орудия из мягких пород с частичной или полной шлифовкой. В бассейнах Камы и Вятки орудий на отщепах чуть больше, чем на пластинах, типичны шлифованные рубящие орудия. Встречаются наконечники и ножи с бифасиальной обработкой, изготовленные из привозного мелового кремня. В Марийском Поволжье изучены углубленные и наземные жилища, иногда соединенные переходами, в Камско-Вятском междуречье – слабо углубленные прямоугольные жилища площадью от 20 до 40–50 кв. м, с очагами, столбовыми и хозяйственными ямами.

Хронология волго-камской культуры базируется на многочисленных радиоуглеродных датах. Наиболее ранние относятся к первой четверти VI тыс. до н. э. в лесостепном бассейне Свияги, где могло начаться формирование традиции плоскодонной накольчатой керамики. Во второй четверти VI тыс. до н. э. памятники появляются в Марийском Поволжье и в устье Камы, в третьей четверти этого тысячелетия – в Камско-Вятском районе, затем в Посурье и Примокшанье. Традиция сохраняется и в лесостепи, и в степных районах вплоть до первой трети V тыс. до н. э.

К северу от ареала волго-камской культуры располагается массив памятников с гребенчатой керамикой (глава 5). Он охватывает бассейн Камы, лесное Среднее Поволжье и бассейн Вычегды и включает три этапа. К раннему относятся несколько разрозненных памятников. Небольшие тонкостенные полужайцевидные сосуды со сплошным горизонтально-зональным орнаментом из оттисков длинных и коротких гребенчатых штампов сопровождаются кремневыми изделиями на пластинах с краевой ретушью и бифасами на плитках, а также шлифованными рубящими орудиями. Пластинчатый инвентарь близок местному позднемезолитическому. Датировка этапа – вторая – четвертая четверть VI тыс.

до н. э. На втором этапе (первая половина V тыс. до н. э.) появляются крупные поселения с прямоугольными жилищами-полуземлянками площадью 25–70 кв. м. Сосуды становятся крупнее, а орнамент – разнообразнее; распространены типичные для камской керамики венчики с наплывом изнутри. В Нижнем Прикамье и Поволжье особенности посуды отражают взаимодействие с носителями накольчатой керамики. Состав каменных орудий не претерпевает изменений, но возрастает доля изделий на крупных пластинах и отщепах. Для поселений третьего этапа (вторая половина V тыс. до н. э.) также характерны прямоугольные жилища-полуземлянки, полуяйцевидные сосуды со сплошным гребенчатым орнаментом из горизонтальных поясов разнонаклонных оттисков и каменный инвентарь, сходный с предыдущим этапом. На основе топографии поселений, остеологических остатков, функциональных определений орудийного комплекса реконструируется охотничье-рыболовческое хозяйство. Промысловые виды – крупные и средние млекопитающие, боровая и водоплавающая дичь, рыболовство круглогодичное сетевое и гарпунно-острожное. Происхождение камской неолитической культуры связано с местным мезолитом, что проявляется в преимущественности топографии поселений, типов жилищ, способов обработки камня. Переход к оседлости способствовал внедрению в обиход керамики. Г.Н. Матюшиным высказывалась гипотеза о южном ее происхождении из Икско-Бельского междуречья, но не исключена связь с западносибирской посудой еттовского типа. Дальнейшая судьба камского неолита связана с энеолитической новоильинской культурой, появившейся в конце V тыс. до н. э.

Немногочисленные следы камской культуры выявлены в бассейне Вычегды (глава 7, В.Н. Карманов). Они представлены двумя стоянками, стратифицированным местонахождением и фрагментами керамики на нестратифицированных памятниках Синдорского озера. Кроме того, фрагменты керамики камского типа известны далее к западу, вплоть до притоков Северной Двины. Типологически керамика соответствует посуде основного ареала по форме, технологии и орнаментации. Ее особенности могут объясняться кратковременностью интервала существования памятников либо слабой изученностью региона.

Малочисленный каменный инвентарь невыразителен. Хронология вычегдских стоянок определяется ^{14}C датами местонахождения Пезмог IV в пределах второй четверти VI тыс. до н. э., что соответствует раннему этапу культуры в Прикамье. Вычегдские памятники рассматриваются как северная периферия камской культуры, их характер указывает на кратковременность пребывания. Историческая судьба не ясна.

В начале главы 6 о памятниках с ямочно-гребенчатой керамикой историографический обзор завершается изложением гипотезы этнокультурной непрерывности внутри единой культуры, представленной сгустками локальных признаков на участках ландшафтов, благоприятных для рыболовства, которые разделены слабо заселенными территориями. Образование локальных вариантов связано с усилением оседлости. Наиболее ранние памятники в Марийском Поволжье относятся к концу бореала, но в целом культура связана с теплым и влажным атлантическим периодом. Большая роль рыболовства проявляется в общей приуроченности поселений к проточным или старичным водоемам. В Сурско-Мокшанском междуречье стоянки, видимо, сезонные, со слабо углубленными прямоугольными и овальными жилищами площадью 20–50 кв. м. Памятники Марийского Поволжья более многочисленны. Они крупнее, с насыщенным культурным слоем, с прямоугольными полуземлянками площадью 56–85 кв. м и меньшими овальными; на поздних поселениях жилища сокращаются в размерах и становятся квадратными.

Проблема происхождения культуры по-прежнему дискуссионна. Вероятно, она зародилась первоначально в каком-то одном центре, а затем быстро распространилась в среде родственного раннеолитического населения, гончарные традиции которого должны были повлиять на ямочно-гребенчатую керамику. На Европейском Северо-Востоке происхождение культуры могло быть связано с развитием местных традиций либо с миграциями льяловцев. Этот район представляет северную периферию ареала культуры ямочно-гребенчатой керамики, Сурско-Мокшанское междуречье – ее юго-восточную оконечность, Среднее Поволжье и Нижнее Поочье – восточную окраину. Периодизация и датировка льяловской культуры Волго-

Окского междуречья распространяются на Волго-Уралье. Авторы приводят две хронологические шкалы – традиционную и средне-статистическую калиброванных значений ^{14}C дат:

Памятники с гребенчато-ямочной керамикой бассейна Средней Вычегды и Большеземельской тундры обозначены как льяловские (глава 8, В.Н. Карманов). Версии их происхождения и культурной принадлежности варьи-

Таблица 1
Table 1

период	датировка	^{14}C BC cal
архаический	рубеж V/IV – перв. четв. IV тыс. до н. э.	5000–4750
ранний	перв. четв. – сер. IV тыс. до н. э.	4700–4350
развитый	сер. – четв. четв. IV тыс. до н. э.	4300–4000
поздний	четв. четв. IV – нач. III тыс. до н. э.	в Волго-Уралье этап не представлен

В тексте используются обе шкалы, что представляет некоторое неудобство для восприятия материала. В Марийском Поволжье изучены памятники первых трех этапов. Они различаются по гипсометрическому расположению, особенностям формы и орнаментации сосудов; на 2 и 3 этапах заметно влияние камской культуры. Материалы Посурья аналогичны марийским и генетически с ними связаны, а отсутствие последних двух этапов объясняется экспансией хвалынской раннеэнеолитической культуры. Балахнинские поселения Нижнего Поочья связывают Волго-Окский и Волго-Уральский регионы в археологическую непрерывность. Своеобразная керамика Примокшанья датируется ранним этапом и аналогична посуде мешчерского локального варианта. В отличие от других районов, судьба этого населения не ясна. На Европейском Северо-Востоке памятники с ямочно-гребенчатой керамикой раннего этапа выявлены на реках, но в основном они сосредоточены на водораздельных озерах, где есть остатки жилищ; правда, характер этих поселений – долговременный или сезонный – не ясен. Финал развития культуры в Марийском, Чувашском и Казанском Поволжье отмечен контактами с культурой камского неолита, что послужило импульсом к сложению воловской культуры.

Каменный инвентарь различных районов представляет отщеповые индустрии и имеет ряд общих признаков. В бифасиальной технике изготавливались разнообразные наконечники стрел и копий, ножи. Остальные орудия обрабатывались краевой ретушью. Рубящие орудия представлены шлифованными топорами, теслами, долотами, в т. ч. желобчатыми.

рвалились от миграционных до автохтонных гипотез. На вычегдских стоянках изучены слабо углубленные подпрямоугольные жилища площадью до 100 кв. м и малые округлые, все недолговременные, возможно односезонные. Судя по составу находок, поселения были неспециализированными, с разными видами деятельности. Автор полагает, что они могли принадлежать незначительной по численности группе населения (70–220 человек). В отличие от речных стоянок на памятниках водораздельных озер керамика и каменный инвентарь значительно более многочисленны. Но остается неясным, являются ли они остатками долговременных поселений или следами многократных кратковременных посещений. Каменный инвентарь характеризуется отщеповой техникой, ориентированной на изготовление бифасов – наконечников стрел ромбической и листовидной формы и асимметрично-линовидных ножей. Встречается прием предварительной тепловой обработки кремня и намеренная поперечная фрагментация изделий; характерно обилие резцов. Все эти особенности имеют аналогии в льяловской культуре Верхней Волги. Керамика – округлодонные закрытые сосуды со сплошным орнаментом из чередующихся гребенчатых оттисков и ямок или угловых наколов. Две группы памятников Вычегды различаются по типу штампов: длинных косозубых и относительно коротких. Автор предполагает, что различия этих двух групп могут отражать разные исходные локальные группы льяловцев и относиться к переходному времени от верхневолжской культуры к льяловской (четв. четв. VI – нач. V тыс. до н. э.) и к архаичному этапу льялова (втор. четв. V тыс.

до н.э.). Возможность дальнейшего развития этой культурной традиции пока слабо документирована.

Остальные три главы рассматривают поздние группы памятников, переходные от неолита к энеолиту. Во-первых, это памятники русско-азибейского типа (глава 9, А.А. Выборнов, А.В. Шипилов) – поселения с воротничковой круглодонной керамикой. Сосредоточены гнездами на северной периферии лесостепи по левому берегу Нижней Камы, встречаются в Иско-Бельском междуречье, в левобережье Волги вплоть до Казани и в Камско-Вятском междуречье вплоть до Перми. Располагаются по берегам пойменных и старичных озер, что вызвано нуждами рыболовства, часто на местах стоянок камской культуры. Ее традиции заметны в крупном прямоугольном жилище на Русско-Азибейской стоянке. Osteологические находки свидетельствуют об охоте на лесных травоядных и грызунов. Развитая деревообработка документируется многочисленностью и разнообразием орудий. Керамика представлена тремя морфологическими типами со сплошным горизонтально-зональным орнаментом, в целом аналогичным камской неолитической керамике. Особенности посуды могут быть обусловлены хронологическими различиями двух последовательных этапов и причинами культурного порядка. Типологический облик керамики отражает два последовательных этапа и, с одной стороны, наследует камские неолитические традиции, с другой – несет влияние самарской и хвалынской энеолитических культур, а также контактов с населением Волго-Окского региона. Т. о., керамика русско-азибейского типа является гибридом позднеолитических и раннеэнеолитических традиций. Крупнопластинчатая кремневая индустрия содержит, помимо прочего, наконечники кельтеминарского типа, на отщепах изготовлены наконечники со сплошной двусторонней обработкой. Среди мелких долот имеются круммайзели. Судя по стратиграфии, нижняя граница воротничковой керамики смыкается с финалом камской неолитической культуры, а верхняя может быть синхронна новоильинским или предшествующим им комплексам. По данным радиоуглеродных анализов, она занимает интервал третьей четверти V тыс. до н. э., что совпадает с поздним этапом самарской и хвалынской культур. Следовательно, они

реально могли оказывать влияние на поздне-неолитическое население Нижнего Прикамья и Предуралья.

Глава 10 «Памятники татарско-азибейского типа» (В.В. Морозов, А.А. Выборнов, А.В. Лыганов). Памятники данного культурного типа с накольчатой керамикой отнесены Р.С. Габяшевым к кругу культур южного происхождения. Поселения сосредоточены на дюнах в пойме и на низких надпойменных террасах р. Ик и устья Белой. На эпонимном памятнике исследованы остатки наземных прямоугольных и округлых жилищ с очагами и хозяйственными ямами. Керамика – тонкостенные плоскодонные банки с орнаментом из вдавлений-наколов, чаще в отступающей манере. Все памятники многослойны, поэтому с накольчатой керамикой удалось связать лишь некоторые каменные изделия на пластинах. Радиоуглеродные данные определяют интервал существования комплексов татарско-азибейского типа концом первой четверти – второй четвертью IV тыс. до н. э. Р.С. Габяшев считал их поздним наследием ранне-неолитической накольчатой керамики (соврем. – волго-камский тип). А.А. Выборнов и А.В. Вискалин полагают, что они оставлены очередной миграционной волной лесостепного населения на рубеже неолита – энеолита и могли контактировать с носителями новоильинской культуры. Определенное сходство отмечается с более ранней боборыкинской и синхронной липчинской культурами Зауралья, но различия существенны. Не исключена и версия автохтонного развития от раннего неолита щербетского типа к позднему неолиту Верхнего Прикамья и миграции в Иско-Бельское междуречье из-за климатических изменений. Немногочисленность памятников, их смешанный характер, отсутствие могильников не позволяют рассматривать этот тип в ранге археологической культуры.

Глава 11 «Новоильинская культура» (А.А. Выборнов, Е.Л. Лычагина, Т.М. Гусенцова, А.В. Шипилов, Т.А. Цыгвинцева). Распространена на Средней и Нижней Каме, в Камско-Вятском и Иско-Бельском междуречьях. Жилища – прямоугольные и квадратные бревенчатые полуземлянки площадью 50–90 кв. м с двускатной крышей. Керамика представлена полуяйцевидными открытыми сосудами с горизонтально-зональным гребенчатым орнаментом, включающим простые

и сложные (треугольники, ромбы, флажки и пр.) узоры. По керамике выделяются локальные и хронологические варианты. Кремневый инвентарь демонстрирует технику расщепления ударом через посредник для получения крупных пластин и прямоугольных отщепов. Ножи и скребки на пластинах, фигурные ножи обработаны краевой ретушью, наконечники – сплошной двусторонней ретушью. Разнообразны шлифованные рубящие орудия. Вопрос о принадлежности находок металла остается открытым. Имеющиеся датировки (четвертая четв. V – нач. III тыс. до н. э.) позволяют отнести ранний этап к неолиту, поздний – соотносить с гаринской энеолитической культурой. Но поздние даты сомнительны; скорее новоильинская культура занимает интервал 5200–4500 BP Uncal. В основе ее лежат лёвшинские комплексы, возможно при участии красноостовского типа и накольчатой традиции. Т. о., эта постнеолитическая культура сформировалась на основе камской и западных компонентов.

Две последние главы подводят итог обзору неолитических культур региона. Главу 12 «Гончарная технология населения Среднего Поволжья в эпоху неолита» (И.Н. Васильева) открывает небольшой теоретический раздел, излагающий концепцию гончарного производства, сформулированную школой А.А. Бобринского. Гончарные технологии рассматриваются как системы устойчивых и взаимосвязанных навыков труда на всех ступенях производства, имеющие характер культурной традиции. Возникновение гончарства явилось адаптацией к резкому скачку в производстве средств жизнеобеспечения в результате интенсификации комплексного присваивающего хозяйства в процессе неолитизации. Изложена полицентрическая гипотеза возникновения гончарства в результате накопления знаний и опыта использования различного пластичного сырья в быту в «догончарный» период и независимое возникновение гончарных технологий в разных группах древнего населения. Согласно этой гипотезе, различие видов исходного пластичного сырья древнейшей керамики может указывать на принадлежность древних мастеров к разным ареалам происхождения гончарства.

Результаты изучения гончарства Среднего Поволжья и сопредельных территорий опираются на выявление совокупности массовых

навыков труда как культурных традиций, а также на изучение специфичных и единичных традиций. Учитывая эмпирический характер передачи технологической информации в традиционных обществах, появление смешанных традиций возможно только при устойчивых контактах их носителей. Эти положения раскрыты и проиллюстрированы на материалах четырех основных культурных комплексов региона. Самая ранняя, елшанская керамическая традиция характеризуется использованием тощих илистых глин с органическим раствором и изготовлением остродонных сосудов, сформованных на формах-основах лоскутным налепом. Появление позднее плоскодонных емкостей и сложного рецепта с шамотом указывает на смешение двух традиций. Истоки елшанского гончарства лежат в Средней Азии и Приаралье, а само оно сыграло заметную роль в формировании средневолжской культуры. Возможно, елшанское население постепенно мигрировало на запад вплоть до Суро-Мокшанского междуречья. Средневолжская культура сформировалась на рубеже VI–V тыс. до н. э. (некалибр.) в результате его смешения с пришлыми нижневолжскими группами орловской культуры. Средневолжская керамика разнообразна, включает накольчатый и гребенчатый культурно-хронологические комплексы, группы с гладким и ямочным орнаментом. В накольчатом комплексе выделяется ранняя группа нижневолжского происхождения, для которой характерна тонкостенная плоскодонная керамика из илов с геометрическим орнаментом в технике отступающей палочки. Гребенчатая керамика различается по типу орнаментиров (длинные, средние, короткие гребенчатые штампы); изготовлена из илистых глин с раковинной, иногда с шамотом; встречается «расчесывание» внутренней поверхности. Источниками гребенчатой керамики в средневолжской культуре могли служить группы с юго-запада, из Подонья и Украины, а также камское население, продвигавшееся с севера.

Камский керамический комплекс характеризуется круглодонными сосудами с печатным гребенчатым орнаментом. Для раннего этапа характерно использование жирных глин в сочетании с шамотом в виде сухих смесей с органическим раствором, лоскутный налеп на формах-моделях, лощение и костровой обжиг. На поздних этапах появляются новые тради-

ции, в частности изменение формовочных масс за счет илистых глин в результате длительного смешения со средневожскими и другими инокультурными группами. Волго-камский керамический комплекс – преимущественно плоскодонные сосуды без орнамента или с накольчатой, отступающим орнаментом и с насечками. Гончарные технологии включают черты средневожских, камских и смешанных традиций. Т. о., в третьей четверти V тыс. до н. э. в Среднем Поволжье появляется камский ареал. Происхождение самой камской культуры требует дальнейшей проработки, поскольку аналогии ей обнаруживаются в Среднем Зауралье (полуденская культура) и на севере Западной Сибири (Амня I, Ет-то I).

Т. о., на основе анализа исходного пластичного сырья выделены три ареала гончарных традиций. Древнейшей является традиция использования илов без искусственных примесей – плоскодонные сосуды с прочерченно-накольчатой орнаментом (Северный Прикаспий, Нижнее Поволжье, перв. полов. VI тыс. до н. э., некалибр.). Вторая, елшанская традиция – использование илистых глин и появление шамотной примеси, остро- и плоскодонные сосуды с ямочно-жемчужным пояском и прочерченным и точечным орнаментом в Волго-Уралье (перв. полов. VI тыс. до н. э.). Позже формируется ареал камской керамической традиции использования сухих смесей природных глин, шамота и органического раствора – круглодонные полуяйцевидные сосуды (Прикамье, третья четв. V тыс. до н. э.). В Среднем Поволжье основными процессами были контакты и взаимодействие населения трех указанных ареалов и разнонаправленные миграции.

Глава 13 «Итоги изучения неолита Среднего Поволжья и Предуралья» (А.А. Выборнов) предлагает концепцию культурогенеза в эпоху неолита всего региона. Елшанская культура с остродонной слабо орнаментированной керамикой из илистых глин появляется в лесостепях Среднего Поволжья 8200 л. н. Ее каменная индустрия не содержит признаков преемственности с местным мезолитом, поэтому приоритетна гипотеза о неместном характере культуры. Ее носители могли мигрировать в регион из среднеазиатского междуречья из-за аридизации климата. Группы елшанского населения оказали влияние на неолитизацию западных и северных районов Волго-Уралья.

7500 л. н. в лесостепном Среднем Поволжье сформировалась средневожская культура на основе смешения елшанского и пришлого из Нижнего Поволжья орловского населения. Последнее принесло традицию изготовления из илов плоскодонной керамики с накольчатой отступающим геометрическим орнаментом и кремневую индустрию с повышенной долей пластинчатости и геометрическими микролитами. Дальнейшее развитие средневожской традиции связано с диффузией в лесную часть Волго-Камья. В ряде регионов самобытные культурные образования не сложились, здесь прослеживается явление археологической непрерывности.

Неолитизация Среднего Поволжья и Предуралья связана не только с южными, но и с восточными культурными импульсами, но без признаков производящего хозяйства. В местный неолитический пакет можно включить изменения в каменном инвентаре, распространение стационарных жилищ как признака возросшей оседлости в связи с развитием рыболовства. Исходя из этих критериев, в лесном Среднем Поволжье к раннему неолиту следует относить памятники с накольчатой керамикой, а к позднему – с ямочно-гребенчатой посудой. Стоянки северных лесных районов, где нет полного неолитического пакета, допустимо рассматривать как переходные от мезолита к неолиту, а памятники новоильинского, красноостовского и русско-азибейского типов – как переходные от неолита к энеолиту.

Опираясь на массив радиоуглеродных дат, наиболее вероятное время появления раннего неолита в лесостепном Поволжье относится к 7200 ВР, в лесном Среднем Поволжье и Предуралье – 6800 ВР. Около 6000 ВР сюда проникают носители льяловской и балахнинской культур с ямочно-гребенчатой керамикой. Те и другие контактируют с группами камской культуры среднего этапа ее развития, складываются локальные варианты средневожской культуры. Около 5200 ВР в лесных районах неолитические культуры сменяются переходными красноостовской и новоильинской, а с 4900 ВР сюда проникает степное население, определившее переход к раннему металлу. В Прикамье это процесс стартует с 4500 ВР. Если принимать ^{14}C даты татарско-азибейских комплексов, то их архаизм может быть результатом не только местного субстрата, но и зауральского липчинского импульса.

Жилища неолитических культурных групп Волго-Уралья различаются по форме и размерам; заметна тенденция к более крупным сооружениям в лесной зоне по сравнению со степной и лесостепной. Погребальный обряд неолита не поддается характеристике из-за крайней малочисленности материалов, к тому же не имеющих надежных датировок; их хронология может охватывать период от мезолита до энеолита.

Приходится отметить, что в данном разделе автор неожиданно переходит к использованию некалиброванных ^{14}C дат (BP) и противоречит датировкам, приведенным в начале главы, а также датировке елшанской культуры в главе 3. Кроме того, из неолитического обзора выпал сюжет о трансуральских связях камского неолитического населения, которые были отмечены еще О.Н. Бадером благодаря присутствию на некоторых стоянках керамики зауральского облика с характерной примесью талька в тесте, а также материалы эньтэйского типа и других групп раннего неолита Европейского Северо-Востока с накольчатой керамикой.

Часть 4 «Палеоантропология Волго-Уралья в эпоху камня» (А.А. Хохлов) содержит информацию о палеоантропологических материалах региона, известных на сегодняшний день. Они определяют концепцию В.В. Бунака о древней недифференцированной североевразийской формации – основе современной уральской расы. Эта концепция, сформулированная еще в середине прошлого века, принята значительным числом специалистов, но с учетом влияния на разных этапах миграционного фактора с востока и с запада. Основное внимание в тексте уделено материалам недавних раскопок. Палеоантропологические материалы могильников у с. Меллятамак демонстрируют неоднородность. Часть из них связана, вероятно, с лесным населением Прикамья, другая – с черепами северо-западной Европы, третья отражает вектор географической связи между Приуральем (самарская раннеэнеолитическая культура) и Приаральем (кельтеминарская неолитическая культура). Далее автор анализирует скелеты восьми комплексов, обеспеченных независимыми датировками и генетическими кодами ДНК (табл. 1). Наиболее ранние погребения на горе Маяк датированы переходным временем от палеолита к мезолиту. Всесторонний анализ позволил отнести их

к древнеуральскому типу и подтвердил глубокую древность и расовую недифференцированность уралоидного краниометрического комплекса. Более поздние погребения соотношены с елшанской (Чекалино IVa и Лебяжинка IV) и волго-камской (Чекалино IVb) культурами. Материалы проявляют значительные индивидуальные морфологические особенности, что может указывать на формирование древнеуральского очага расогенеза из различных контактирующих микропопуляций с присваивающим хозяйством. Все они отнесены к северной евразийской формации, отличавшейся физическим полиморфизмом.

Результаты палеогенетики получены по географически разобленным материалам и не являются полными, т. к. содержат лишь коды половых гаплогрупп, дополненные субкладами. По женской линии все индивиды наследуют несколько гаплогрупп кода U, которые распространены в Европе в верхнем палеолите и мезолите. По мужской линии код Q характерен для некоторых народов Сибири и Америки, а гаплогруппа Q1a2 (мог. Лабазы) близка образцам мезолитического могильника Звейниекы в Прибалтике и носителям окуневской культуры бронзового века Западной Сибири. Гаплогруппа R1b (Лебяжинка IVa) происходит из популяций верхнего палеолита Северной Евразии, распространившихся в начале мезолита на запад вплоть до Скандинавии.

Данные палеоантропологии и палеогенетики иногда совпадают, демонстрируя сложный состав населения и общую его генетическую преемственность от верхнего палеолита Северной Евразии. Итогом развития этого населения, принадлежавшего разным археологическим культурам, является формирование к концу неолита условно единого антропологического субстрата. Его основа или компоненты (древнеуральский, сублапоноидный, субуральский типы), отличные от типичных еропеоидов и монголоидов, внесли существенный вклад в последующие этногенетические процессы региона и сопредельных территорий.

Подводя итог, можно констатировать, что достоинства издания несомненны. Авторский коллектив создал достаточно детальное полотно сложного и многогранного культурного развития обширного региона; насколько это возможно, реконструирован экологический фон событий. В меньшей степени детализи-

рованы особенности хозяйственно-бытового уклада населения лесной и особенно лесостепной зон из-за явной скудости источников. Уточнена хронология, хотя подача абсолютных датировок не унифицирована. Наконец, обобщены данные палеоантропологии с позиций современного понимания процессов расогенеза и палеогенетики. Историографиче-

ские сюжеты каждой части и отдельных глав позволяют оценить степень решения дискуссионных вопросов и остающиеся проблемы. Издание богато иллюстрировано и снабжено картографическими материалами. Появление тома «Каменный век», безусловно, является заметным событием в научной жизни отечественной археологии.

ЛИТЕРАТУРА

Каменный век / Археология Волго-Уралья. Т. 1 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. М.Ш. Галимова. Казань: ИА АН РТ, 2021. 444 с.

Информация об авторе:

Косинская Любовь Львовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Проблемной научно-исследовательской археологической лаборатории и доцент кафедры археологии и этнологии, Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург, Россия); kosinkova4949@mail.ru

REFERENCES

Sitdikov, A. G., Galimova, M. Sh. (ed.). 2021. *Kamennyyi vek (Stone Age)*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 1. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

About the Author:

Kosinskaya Lyubov L., Candidate of Historical Sciences, Ural Federal University. Mira str., 19, Yekarinburg, 620062, Russian Federation; kosinkova4949@mail.ru

Статья поступила в журнал 14.05.2025 г.
Статья принята к публикации 18.06.2025 г.